

Художники в доме на Кооперативной улице

Отличительной особенностью дома Фаворских – атмосфера подлинности.

Здесь не было места подражанию, подделке – ни в обстановке, ни в одежде, ни в человеческом общении.

С.З. Трубачев

На одном из домов Сергиева Посада на Кооперативной (бывшей Репной) улице висит мемориальная доска, гласящая, что здесь жил художник В.А. Фаворский. Но в этом доме, принадлежавшем Машинским, жили и бывали и другие художники. Первым здесь поселился Павел Яковлевич Павлинов (1881–1966).

Павлиновы

Был у Павлинова в Москве собственный дом в Малом Ржевском переулке, в районе Арбата. Этот дом понравился одному чекисту-грузину, и Павлиновых выселили (теперь здесь находится грузинское посольство).

Павлиновы ютились у своих родственников. Когда родился еще один ребенок, художник решил перевезти семью в Сергиев Посад. Там у него были знакомые – П.А. Флоренский и В.А. Фаворский. Приехали Павлиновы в Посад, предположительно, летом 1922 года.

У Машинских был большой заросший сад с огромным ветвистым дубом и прудом – раздолье для детей. И сам дом оказался примечательным: дети обнаружили в кладовой целый сундук писем и открыток начала XX века. Как выяснилось, эти комнаты раньше снимал сенатор Симанский. Сын его учился в Московской Духовной академии, и впоследствии стал Патриархом Алексием I. Открытки с изображением православных церквей, которые будущий Патриарх посылал из своих поездок, до сих пор хранятся в семье Павлиновых.

Художник П.Я. Павлинов происходил из семьи моряка: его отец был вице-адмиралом кадетского корпуса, куда по традиции после окончания гимназии определили и Павла Павлинова. Еще во время учебы он стал заниматься рисунком и живописью частным образом у художника И.Э. Браза. Много новых впечатлений дала ему служба на флоте (1900–1904), особенно два года плавания с русской эскадрой адмирала Кригера, находившейся с дипломатической миссией в Средиземном море. В плавании он понял, что не может жить без искусства, и, вернувшись, поступил вольнослушателем в Академию художеств. Занимался у Д.Н. Кардовского, а во время трехмесячного отпуска в 1908 году учился в мастерской художника Кроппа в Мюнхене. Одновременно преподавал в Морском корпусе. В 1911 году вышел в отставку в звании капитана второго ранга, переселился в Москву. Здесь он увлекся гравюрой. Представил на выставку Московского

товарищества художников (МТХ) один из офортов. На выставке он познакомился с В.А. Фаворским, дружба с которым продолжалась долгие годы.

Павлинов много путешествовал по Европе. Когда началась Первая мировая война, заставшая его в Италии, вернулся и работал в Военном цензурном комитете. Не оставлял и занятий гравюрой. В 1914 году вступил в МТХ, стал казначеем правления, а потом и председателем товарищества.

К событиям 1918 года относится рассказ сына художника Петра Павловича об аресте Павлинова в числе группы бывших офицеров царской армии. Им грозил расстрел. Об этом узнал нарком просвещения А.В. Луначарский (он нередко бывал в доме Павлинова, где проходили заседания МТХ). Луначарский прислал своего представителя, чтобы освободить Павлинова. Тот сказал: «А ведь тут и Фаворский...» Обоих удалось спасти.

В послереволюционные годы Павлинов, не без участия Фаворского, увлекся театром марионеток, и стал заведующим его технической частью. Одновременно работал в Окнах РОСТА, участвовал в работе Комиссии по охране памятников искусства и старины. В 1921 году Фаворский пригласил его во ВХУТЕМАС. С этого времени Павлинов непрерывно, в течение многих лет, преподавал гравюру в разных высших учебных заведениях. Объединяла его с Фаворским еще и любовь к музыке, унаследованная от матери-пианистки. Он играл в домашних концертах на скрипке вместе с Фаворским (кларнет) и художником М.И. Никовым (флейта).

В 1925 году Павлиновы уехали из Сергиева Посада – Павел Яковлевич построил дом в поселке художников на Соколе, тогдашней окраине Москвы. Но и после этого он часто бывал у Фаворских, а сын Фаворского Никита порой даже пешком ходил из Загорска в их дом на Соколе.

Павлинов прожил долгую жизнь, иллюстрировал произведения Пушкина, Лермонтова, Лескова, Короленко, Новикова-Прибоя и других писателей, был известен и как театральный художник.

Во время Великой Отечественной войны он работал для издательства Военно-Морского флота, а после войны иллюстрировал в основном книги о путешественниках, морях и кораблях.

Фаворские

В 1925 году Фаворские, жившие до этого на Вифанской улице (дом 99) в Сергиевом Посаде, после отъезда Павлиновых сняли второй этаж дома Машинских на Кооперативной улице. Семья приехала в Посад еще в 1919 году, когда сам Владимир Андреевич Фаворский (1886–1964) был на фронте. Она состояла из родителей художника – Андрея Евграфовича и Ольги Владимировны, его жены Марии Владимировны, маленького сына Никиты и бабушки жены – Аделаиды Семеновны Симонович. На Вифанке родился второй ребенок – Иван. А дочка Маша родилась уже в доме на Кооперативной.

Андрей Евграфович Фаворский был сыном сельского священника. Окончил юридический факультет Московского университета, получил таким образом личное дворянство и женился на дочери известного архитектора В.О. Шервуда. После окончания университета жил в родном селе в Нижегородской губернии, служил присяжным поверенным, организовал артель, которая занималась сбытом изделий местных кустарей. Был близок к народникам. По доносам его арестовали и выслали в Вологду под надзор полиции.

Когда встал вопрос о выборах в Государственную Думу, Фаворский купил небольшой участок земли в родных местах, чтобы иметь имущественный ценз, дающий право быть выбранным. Основал хутор Епифановку и с удовольствием занялся сельским хозяйством: разрабатывал торфяники, засеивал пустыри австрийской и обыкновенной сосной, разводил и улучшал местные породы скота, организовал прекрасное молочное хозяйство, занялся пчеловодством – у него было до 300 ульев. Он продавал мед оптом и масло кусками. Его сын сделал гравюру для обертки масла, на которой были изображены медоносные травы и коровы, с надписью: «Кушай на здоровье маслице коровье».

У него было много знакомых в окрестных селениях. Он активно участвовал в общественных делах, старался улучшить жизнь крестьян и кустарей. Будучи депутатом III Государственной Думы, Фаворский отстаивал интересы павловских кустарей, хлопотал о строительстве железной дороги к селу, был также попечителем Павловского кустарного района и Павловской женской учительской семинарии. Он построил в деревне школу, помогал крестьянам советами. Но после революции ему пришлось уехать. С 1919 года он с женой жил в семье сына в Сергиевом Посаде.

Летом 1920 года Андрея Евграфовича пригласили в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры на должность бухгалтера. Вскоре его, помимо работы в бухгалтерии, назначили заведующим отделами Древнерусской живописи и Древнерусской книги. А через месяц с двумя другими сотрудниками он уже составлял программу лекций для населения.

Время было голодное. Сотрудники музея искали способ выжить, занимались огородами. Встал вопрос о возвращении лошади и сбруи, которые забрал Наробраз. К кому обратиться за советом, как это сделать? Конечно, к Андрею Евграфовичу. И еще в 1920 году ему было поручено заведовать пчельником Лавры – пригодились его знания, полученные на собственной пасеке.

В 1922 году штаты Комиссии пришлось сократить по числу выделенных продовольственных пайков. Фаворского уволили, оставив в должности бухгалтера как

сверхштатного сотрудника (сверхштатные получали только помещение и небольшое количество дров, но не зарплату). И Андрей Евграфович продолжал работать, работать до самого конца: благодаря нему семья Фаворских в течение трех с половиной лет имела жилье на территории Лавры.

Скончался Андрей Евграфович в 1924 году на 82-м году жизни.

Жена его, Ольга Владимировна Шервуд, была дочерью известного художника и архитектора. Она окончила Высшие женские курсы Герье. Выйдя замуж в 1883 году, полностью разделила интересы мужа. Очень любила цветы и даже разводила розы на бедной песчаной почве в Епифановке. Еще она любила рисовать, рисовать цветы.

Когда в Сергиевом Посаде в начале 1920-х надо было найти какой-то заработок, она занялась росписью поделок из папье-маше и дерева. Руководил ее работой монах Афоний Вишняков, происходивший из семьи жостовских мастеров. Она расписывала цветами по черному фону коробочки, брошки, вазочки для кистей – эти изящные вещицы шли на продажу как сувениры. Скромный заработок Ольги Владимировны был подспорьем для семьи.

Ее внучка, Мария Владимировна, так описывала комнату своей бабушки в доме на Кооперативной: «...совсем особый мир была бабушкина комнатка, самая маленькая, но и самая светлая – на солнечной стороне. У нее всегда цвели цветы. Помню зимой цветущие розы. У бабушки было так хорошо и красиво. Кровать покрыта старинным ковром, круглый вертящийся столик, – на нем она расписывала брошки и коробочки. Старинные маленькие этажерки, на них всякие удивительные предметы: японские обезьянки из кости, бронзовые фигурки, вазочки...

А сама бабушка всегда была очень красива. Серебряные волнистые волосы обрамляли приветливое лицо, а ее простые кофточки были как-то особенно аккуратны и изящны. Когда она разливала чай своими узкими красивыми руками, всем становилось особенно уютно и хорошо. Я помню бабушку уже старой, она редко выходила из дома, но всегда интересовалась всем – от политических событий до наших детских новостей... Спокойная, справедливая, она, конечно, была центром семьи. Отчетливо помню ощущение детского счастья: возвращаясь домой, зная, что дома ждет бабушка».

Фаворский, сделал в дневнике такую запись после кончины матери: «Я благодарил за все, благодарил за то, что она была моей матерью, и я в ней имел разумную, спокойную, очень чуткую, очень мужественную женщину (обязан я ей очень многим, представлением о чистоте человека, о честности, о лучших стремлениях человека, об идейности)... Мягче ее, деликатнее, скромнее трудно себе представить человека, в то же время веселая, бодрая и деятельная и по-своему мужественная и сколько-то даже суровая».

Владимир Андреевич писал: «Я начал рисовать потому, что рисовала мать». Он учился на курсах скульптуры в Строгановском училище, в студии К. Юона, в студии профессора Холлоши в Мюнхене. Вернувшись через три года в Россию, поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, окончив который, получил специальность искусствоведа. В 1912 году он женился на Марии Владимировне фон-Дервиз, с которой познакомился в усадьбе Дервизов Домотканово в Тверской

губернии, где собирались художники. В этот круг входили также княжна Наталья Дмитриевна Шаховская и ее будущий муж Михаил Владимирович Шик – товарищ Фаворского еще с гимназии. С ними он встретился в Сергиевом Посаде уже после революции.

В 1915 году Фаворского призвали на военную службу, с которой он вернулся только весной 1920 года.

По возвращении из армии стал преподавать во ВХУТЕМАСе, был ректором этого учебного заведения (1923–1925). В конце 1920-х годов началась так называемая «чистка» профессорского состава. Фаворского спросили: «Почему вы не состоите в Союзе воинствующих безбожников?» Он ответил: «Я в Бога верую».

Как профессору ему дали комнату в Москве. Так описывал ее обстановку художник А.Д. Бочаров: «Комната была маленькая и узкая. Помещались в ней слева от двери железная койка Фаворского, на деревянных досках которой лежал тоненький тюфячок с тоненьким солдатским одеялом, посередине – старинный обеденный стол с откидными крышками, справа небольшой шкафчик, в котором хранились какие-то бумаги, книги и деньги, а перед столом стоял круглый баул, покрытый куском старого ковра, на нем сидел Владимир Андреевич, гравировавший или рисуя... Над столом висела единственная лампочка, прикрытая бумажкой, на окне занавесей, конечно, не было, а были с подоконника спущены на бечевках пустые консервные банки, куда стекала вода от таявшего на окнах льда. Было бедно, узко и жестко».

О том, как он работал во ВХУТЕМАСе, сам Фаворский писал: «Я уходил на службу к девяти часам утра и часто возвращался домой к девяти часам вечера, иной раз и не пообедав. Дома я обедал, но после обеда никогда не давал себе права отдыха и сейчас же садился работать... Глядишь, часикам к двенадцати ночи и разойдешься!»

До 1939 года перевезти семью из Сергиева Посада в Москву Фаворский не мог. Приезжал к семье только на выходные. Его дочь, Мария Владимировна, вспоминает: «Московская жизнь отца в тридцатые годы, как я теперь понимаю, была очень трудной: всяческие гонения, потеря самых близких друзей, постепенная гибель его детища – ВХУТЕМАСа, тревога за судьбы учеников. Но когда он приезжал к нам на выходные в Загорск, то, переступая порог дома, сознательно отметал все это: здесь он был со своей матерью, женой, детьми, и это, наверное, было спасением».

В день его приезда нас с братом Ваней укладывали в обычное время, но мы не спали, ждали звуков открываемой двери, отцовского бодрого голоса, маминого радостного, и тогда мчались в ночных рубашонках в прихожую и кидались в его морозные объятия, в чудесный запах заиндевелой бороды. Иногда с ним приезжал и Никита, тогда было еще больше радости.

Оба привозили тяжелые рюкзаки с едой, разбирать их тоже был ритуал, который нам разрешался, несмотря на позднее время, и всякая малость нас так радовала!

Почти весь следующий день отец принадлежал нам – детям. Обязательно была далекая прогулка в лес. На обратном пути отец сажал меня к себе на плечи, а зимой, когда все ходили на лыжах, привязывал на длинной веревке к своему поясу. Он шел ровно на широких старых лыжах, а я поспевала сзади на своих маленьких.

Летом и осенью набирали букеты – для бабушки Ольги Владимировны, – она рисовала цветы.

К обеду приходил кто-нибудь из загорских знакомых или приезжали из Москвы... Обедали все вместе, не спеша, бабушка разливала чай из самовара...».

«Отличительная особенность дома Фаворских – атмосфера подлинности. Здесь не было места подражанию, подделке – ни в обстановке, ни в одежде, ни в человеческом общении», писал С.З. Трубачев.

А один из московских гостей так описал прогулку с Фаворским: "Ранним вечером – прогулка вдоль стен лавры. Косые лучи закатного солнца. Тишина. Безлюдье. И что же? Неторопливое повествование Владимира Андреевича заселило зеленое холмистое пространство ратниками XVII столетия, русскими и польскими. Это был подробный рассказ очевидца».

В Посаде Фаворский познакомился с П.А. Флоренским, пригласил его преподавать во ВХУТЕМАСе. «Лучшего лектора и более знающего не знал, да и вряд ли был такой и сейчас найдется ли», – считал Фаворский. С Флоренским у него сложились дружеские отношения. В 1920-е годы он сделал экслибрис Флоренского, несколько карандашных портретов его и дочери Ольги, обложки к одной из книг Флоренского и к журналу «Маковец», в котором тот принимал деятельное участие. Дружили семьями. Особенно сблизился с Кириллом и Ольгой Флоренскими старший сын Фаворского Никита.

До своего ухода на фронт Никита постоянно приезжал в Загорск и в 1940 году, работая над путеводителем «Архитектурные памятники Лавры», даже жил в доме Флоренских. Предполагалось, что Ольга Флоренская и Никита поженятся. Но он не вернулся с фронта, и Ольга Павловна после войны вышла замуж за Сергея Зосимовича Трубачева. Когда у них родилась дочь, Фаворский стал ее крестным отцом (крестной матерью – пианистка Мария Вениаминовна Юдина). С.З. Трубачев писал: «... мы несомненно хотели закрепить и передать нашим детям связи, сложившиеся независимо от нас, в годы нашего детства и юности, – отношения, основанные на любви и почитании тех, в ком видели мы осуществление гармонии цельной и прекрасной личности».

Другим хорошим знакомым Фаворского в Сергиевом Посаде был М.М. Пришвин. Художник сделал иллюстрации к его повести «Женьшень» и портрет автора.

Фаворского интересовала архитектура лавры – он создал несколько графических пейзажей с ее изображением. «Настоящая архитектура заменяет природу», – писал он.

Жена Фаворского тоже была художницей. Ее занятие рисованием поощрял друг ее отца В.А. Серов. Потом она занималась в частных мастерских художников в Париже, в студии К. Юона и, наконец, в Училище живописи, ваяния и зодчества, которое окончила в 1913 году.

В Сергиевом Посаде она руководила изокружком в подростковом клубе, преподавала рисование в школе и в Педагогическом техникуме. В голодном 1920 году шила тряпичных кукол и зверей для продажи на рынке. С 1930 года участвовала в выставках в Загорске и Москве. Но главным делом жизни считала воспитание детей. Однако и в этом проявлялись ее художественные наклонности. Вместе с детьми из того,

что было под рукой, мастерила елочные украшения, цветы, фонарики, маскарадные костюмы, устраивала театр теней.

Дети росли в дружной, любящей семье. «Говоря о детях, Владимир Андреевич как-то вдруг всегда светлел, и в его словах звучала нежность, с которой другие, да и то редко, говорят только о цветах. Он сказал как-то, что особенно милы дети, прибегая с прогулки и внося с собой "запах мороза"», – вспоминала знакомая Фаворских.

Трубачев вспоминал, что «в доме Фаворских любили музыку, пели и музицировали... Дети подбирали на цитре подложенные под струны ноты и запоминали народные напевы... Фаворские любили не только строгую классическую музыку. В их семейный быт, лишенный стилизации и чуждый мишурного украшения, органично входила народная музыка. Запевал Никита, Владимир Андреевич негромко вступал с подголоском – получалось по-народному, как поют в деревне. Пели "Среди долины ровныя", "В темном лесе", "Ах вы, сени"... Сыновья Фаворского напоминали героев русских былин и сказок. В характере Вани – цельность и несомненная самобытность. А разве не то же скажешь о Никите, словно возрожденном богатыре русского эпоса...

Восприятие природы не было отделено ни стенами дома, ни чертой города, ни высокой культурностью семьи: общение с ней – постоянная потребность... От малого пруда и корявистого дуба возле дома дорога уходит через долину к лесу, куда во всякое время года – зимой на лыжах – устремлялись и родители, и дети. Никита исходил и знал все окрестности Загорска, бродил с товарищами детства Кириллом Флоренским и Владимиром Рекстом, неутомимыми путешественниками и охотниками».

Никита в ранних лет увлекался вырезыванием деревянных фигурок, деревянной гравюрой. В четырнадцать лет он создал гравюры-иллюстрации к книжке рассказов деревенских ребят. Свободно рисовал пером, тушью, карандашом, акварелью. В 1938 году окончил отделение книги Полиграфического института.

Он ушел в ополчение осенью 1941 года.

Иван тоже рисовал и гравировал по дереву. Он поступил в Художественный институт. В первого курса его взяли в армию. Художник Ю.Б. Могилевский вспоминал: «В 1942 году, попав в военное училище, я оказался в одном взводе с мальчиком, я думаю, семнадцати с чем-то лет, которого, как оказалось, зовут Иван Фаворский... Он очень резко отличался от всех людей, которые там находились... Я смотрел не него и думал: откуда такой мог получиться мальчик? Как мог получиться такой мальчик? Этот человек особенно, может быть, как-то воспитан, в нем была какая-то необыкновенная чистота и красота... Молчаливый очень. Он молчал часами, может быть, даже и днями... Но когда уж говорил, то это было весомо».

От сыновей с фронта не было вестей. Владимир Андреевич при встрече со знакомыми первым начинал спрашивать обо всем, не давая тем самым заговорить о самом тяжелом для него...

Они не вернулись.

Художник А.А. Бруни говорил, что «Никита был талантливее своего отца и что это был бы чудесный художник, если бы не погиб».

А Иван?

М.В. Фаворская положила среди фронтовых писем Ивана свою записку: «Никитины рисунки детские смотрим и наслаждаемся; Никитины гравюры напечатали, выпустили книгу, о Никите товарищи и товарищи, учившиеся с ним, вспоминают. Он был сложившийся человек, с душой мудрой и широкой. А ты? Кто вспоминает тебя на всей большой земле?

Блиzkих друзей школьных у тебя не было, среди родных ты ни с кем особенно не дружил, ты уходил один в лес, бродил и думал, и если бы я спросила, о чем, ты, вероятно, не смог бы ответить...»

Никита погиб в ополчении в 1941 году, Иван – под Кенигсбергом 10 февраля 1945 года. Мария Владимировна оставила воспоминания о них. Она писала: «...я почти не занималась искусством, отдавая все время своим детям... когда сыновья погибли, у меня почти нет упреков совести, что я чего-то для них не сделала, ни в материальном, ни в духовном смысле». И еще: «Эти воспоминания есть единственное, что я могу сделать, чтобы осталась память на земле о двух погибших сыновьях».

В 1939 году семья Фаворских переселилась в Москву – сообщество художников построило дом на окраине города, в Новогирееве. Там и сейчас живет дочь Фаворских, которую зовут, как и мать, Марией Владимировной (в отличие от матери ее называют Фаворской-Шаховской – она вышла замуж за скульптора Дмитрия Михайловича Шаховского, сына друзей ее родителей). Она художница-керамистка.

Владимир Андреевич прожил в доме в Новогирееве четверть века. Художник О.В. Васильев вспоминал о посещении этого дома: «Мне помнится "дом на краю" среди деревьев, то ли крепость, то ли храм. За домом пустота, мрак и безвременье. Церкви и крепости обычно – пусты, полуразрушены и охраняются государством. Дом – населен, живет напряженной художественной жизнью и может, видимо, постоять за себя... На улице холодно, метет. В доме – свет и тепло».

В течение жизни В.А. Фаворский много занимался гравюрой, преимущественно ксилографией. Сделал очень известные иллюстрации к «Слову о полку Игореве», «Борису Годунову» и «Маленьким трагедиям» Пушкина, стихотворениям Роберта Бернса и другим книгам. Работал он и как театральный художник, занимался также монументальным искусством (фрески, граффито, мозаики). После себя он оставил много учеников. Его друг, художник П.Я. Павлинов как-то сказал, обращаясь к одному из них: «Вы должны понять и осознать все великое счастье свое, – не то что вы у него учитесь, а что вы можете сказать: этот человек существует, и я стою возле него и могу дотронуться до его одежды».

Фаворскому пришлось оставить преподавание в 1938 году, когда усилились гонения на «формалистов». Во время Великой Отечественной войны он снова преподавал во время эвакуации в Самарканде, затем продолжил эту работу в Москве до 1948 года. В дальнейшем работал только как художник. «Фаворский жил трудной творческой жизнью и совмещал ее с борьбой за существование и бытовыми заботами. Мария Владимировна не выдержала потери детей и заболела... В то же время нужно было зарабатывать деньги для семьи и кругом было много нуждающихся людей (тогда жили бедно), опорой которых был Фаворский. Среди них и родные, и товарищи, и студенты, и совсем незнакомые люди приходили в своеобразный дом, который возвышался над маленькими жилищами

тогдашних окраин Измайловского парка. Приходили не потому, что Фаворский был богат, а потому, что им нужно было помочь, и он щедро делился. Доброта – быть может, главное качество Фаворского-человека», – писал один из мемуаристов.

«Его жизнь, его путь в искусстве не были легкими. Когда на диспутах над его головой разражались жестокие споры, так как искусство его никого не оставляло равнодушным, и выступающие "за" и "против" готовы были разорвать друг друга в клочки, он сидел спокойный и невозмутимый, время от времени поглядывая поверх сдвинутых на кончик носа очков и внимательно зарисовывал в своем блокноте спорящих – того, который "за", и того, который "против"», – писала одна из знакомых.

Д.М. Шаховской считает, что «некоторые критики и художники не любили и не понимали Фаворского отчасти потому, что он не соответствовал сложившемуся (из литературы) представлению о "гении", брызжущем талантом и темпераментом. Огромная творческая сила Фаворского была скрыта от внешнего взгляда скромностью человека и вдумчивостью художника... Владимир Андреевич почти никогда не позволял себе внешне понятного артистизма, он как бы искоренял его в себе».

Художник не переставал работать, пока двигались руки. Уже тяжело больной, когда лишь самые близкие люди с трудом могли различить едва слетающие с его губ слова, он диктовал свои мысли об искусстве: ведь «всегда, с тех пор, как вошел в мир искусства и понял красоту его, хотел, чтобы другие также видели его, хотел научить их видеть этот мир».

А.С. Симонович и Ефимовы

Рассказ о доме Машинских будет не полон, если не упомянуть об Аделаиде Семеновне – бабушке Марии Владимировны Фаворской-Дервиз, а также ее дочери Нине Яковлевне и зяте Иване Семеновиче Ефимове.

Аделаида Семеновна Симонович (1844–1933) приехала в Сергиев Посад вместе с семьей внучки. Она была педагогом – окончила Бестужевские женские курсы в Петербурге. Именно она открыла первый в России детский сад. Вместе с мужем-врачом, издавала журнал «Детский сад», в котором публиковала свои педагогические статьи, критикуя старые методы воспитания, давала материалы по играм и занятиям с маленькими детьми. Впоследствии статьи из этого журнала были дважды переизданы и легли в основу русской дошкольной педагогики. У самой Аделаиды Семеновны было восемь собственных детей и приемная дочь, которая стала женой В.А. Серова.

В 1876 году она организовала в Петербурге «Элементарную частную школу». Там преподавали художники, в том числе ее племянник В.А. Серов и В.Д. Дервиз, за которого вышла замуж одна из ее дочерей – Надежда Яковлевна. Вскоре семья Дервиза переселилась в Тверскую губернию, где Владимир Дмитриевич купил имение Домотканово. В соседнем селе Калачово он организовал школу, которой стала заведовать и преподавать в ней Аделаида Семеновна. Жила же она вместе с несколькими своими дочерьми в усадьбе.

В 1918 году все обитатели усадьбы были выселены. В виде исключения Аделаиде Семеновне разрешили взять личные вещи, но она не захотела выделяться среди остальных членов семьи и не взяла ничего. В последние годы жизни в Домотканове она стала плохо видеть и в Сергиевом Посаде почти полностью ослепла. Чтобы она все-таки могла писать, правнуки сделали ей из фанеры трафарет с несколькими широкими параллельными прорезями. Она клала фанерку на бумагу, нащупывала прорезь и писала в ней карандашом. До последних минут она сохраняла всю ясность ума и впечатлительность, старалась никого не обременять собою.

Перед ее смертью к ней зашел уезжавший в Москву Фаворский и сказал: «Аделаида Семеновна, я пришел вас поблагодарить». Она, уже очень слабая, спросила: «За что?» – «За ребят, за все, за то, что вы у нас жили». В тот день она скончалась. Ей было 89 лет.

Художница Нина Яковлевна Симонович-Ефимова (1877–1948) часто приезжала к матери в дом на Кооперативной вместе со своим мужем. На ее увлечение живописью, видимо, повлияло знакомство в детские и юношеские годы с В.А. Серовым. Она училась в Париже и в Москве, окончила Училище живописи, ваяния и зодчества. Ее этюды маслом одобрял Фаворский, ее картины хвалил Флоренский. Он сказал ей однажды: «Ваши картины всегда символичны. В них, кроме того, что они изображают, есть и другой смысл, о котором Вы, может быть, и не подозреваете. Тут символика цветов. Вообще, все цвета что-нибудь значат... Все это делает Вашу картину символичной, не в поверхностном смысле (как, например, у Метерлинка), а в настоящем, существующем».

Занималась Симонович-Ефимова и гравюрой, и акварелью. Позже увлеклась театром теней и кукольным театром. Силуэтом она занималась еще в Париже в 1909-1911

годах и считала его серьезным видом графики. А после революции (1918–1919 годы) уже вместе с мужем организовала театр теней в Детском театре Моссовета. Параллельно они создали и новый Советский театр кукол.

Иван Семенович Ефимов (1878–1959), скульптор и живописец, был соавтором Нины Яковлевны во многих областях творчества. Вместе занимались кукольным театром: не только делали кукол, ширмы, занавеси, но и сами были кукловодами – все роли играли вдвоем. Многие пьесы для кукольного театра тоже писали сами. А в конце 1920-х годов изобрели кукол «на тростях».

Со своим театром Ефимовы разъезжали по Москве и Московской области, по Тамбовщине, плавали на агитационной барже по Волге и Каме. Давали спектакли и в Сергиевом Посаде. В письмах к сыну Адриану Нина Яковлевна делилась своими впечатлениями о городе. Так, 20 декабря 1920 года она сообщала: «Пишу из Троице-Сергия, куда мы приехали "отдыхать", но на нас навьючили 20 спектаклей в 12 дней, значит, каждый день больше одного раза.

Но зато тут красиво, замечательно. Розовые башни Лавры освещены утренним ярким солнцем, розовым же – волшебство! Да еще иней, везде каскады белых деревьев. Удивительно...».

А 28 мая 1931 года она писала: «Мы шли по необъятной длины зеленой долине, в середине которой блестела узенькая речка. Солнце весело освещало густую, мягкую зелень, оттеняя холмики и склоны.

Необыкновенно душистый ветер овеивал со всех сторон.

По другую сторону речки живописно паслось многочисленное стадо.

Вдруг из-за холма по ту сторону реки появилась густая толпа чисто приодетых женщин – молодых и старых, которые нескладно пели высокими голосами что-то дикое. Впереди несли большую березку, украшенную красными клочками тряпок и лент. Дальше оказалась еще такая же толпа, но с несколькими березками, которые они уже воткнули кружком на склоне около пастухов и, расположившись кучками, танцевали, образуя хоромы. Держась за руки, они прыгали весело, но довольно по-козлиному. Несколько дальше были еще такие же хоромы. Пенье тех и других смешивалось и казалось воем ветра в ушах, так высоки были звуки.

Одна женщина с ведром доила корову – близко от нас, хотя по другую сторону речки. Мы спросили: "Что это тут происходит?" Она ответила: "Семика, сегодня четверг, а в воскресенье – Троица. В четверг всегда бывает Семика".

Другая, сильно беременная женщина шла по нашей тропинке с ведром надоевшего молока и объяснила, что это женский праздник, что всегда угощают пастухов все женщины, у которых тут коровы. Приносят водку, все выпивают, дарят пастухам яйца и по три рубля с каждой коровы (коров тут около двухсот – пастухи довольны). Потом каждая женщина уносит домой прутик от этих березок.

Ты думаешь, это из Аксакова или Геродота? Нет – Загорск, сегодня. Речка называется Кончура.

Я ездила в Загорск на три дня. Никогда не дышала таким ароматным воздухом. Должна была вернуться сегодня утром, но все пропускала и пропускала поезда и оставалась...».

Один из спектаклей, данных Ефимовыми в Сергиевом Посаде, посмотрел П.А. Флоренский. Он так описал само событие и приготовление к нему: «Накрапывал летний дождь. Следовало думать, что назначенное под открытым небом представление петрушек не состоится. Тем не менее приглашенные, а за ними и мы пробирались между гряд маленького огорода. Потом пришлось спускаться в глубокую, со скользкими глинистыми скатами канаву и переходить по жердочке. Но действительно, преодолеть эти трудности было необходимо: для представления был избран заброшенный сад с березовой аллеей и прудком, расположенный на склоне и уединенный, словно отрезанный от и без того уединенной Красюковской улицы отрезанного от общей жизни Сергиева Посада. На склоне толпились дети и взрослые, и чувствовалась в этих кучках всех возрастов от грудного до старости, какая-то торжественность, – ожидание, какое бывает накануне необыкновенных дней в семьях с отстоявшимся ритмом домашнего уклада...

Право, человеку, чтобы испытать волнующую радость, надо очень немного: десятка два деревьев и плотный высокий забор вместе с канавою и переправами оказались достаточною изоляцией от всевозможных тревог, жизненной усталости и бесконечных забот о существовании в это трудное время. Революция и разруха 1922 года, и скудость, и неверность жизни во всех ее сторонах – все это осталось по ту сторону забора.

Когда же небо вдруг расчистилось, и омытое, склонявшееся к вечеру солнце осветило березы, пеструю толпу и несколько красивых лоскутов старинных тканей, с нежностью переданных Ефимовыми из бабушкиных сундуков в мир Петрушек, – как солнечный луч засветилась в сознании живая сказка. Балаганчик, и Петрушка, и окружавшие театр дети – все вместе построенное в одно художество, которое больше, чем художество, потому что тут, помимо предвзятого намерения исполнителей, звучат вещи голоса души и проскальзывают тайные силы природы. Слова, в других обстоятельствах оставшиеся бы незаметными, в этой обстановке и от лица кукол сказанные, получают неожиданный вес, и народные изречения слышатся действительно, как сгущенная жизненная мудрость. Куклы из тряпок, кусков дерева и бумажной массы совершенно явно оживают и действуют самостоятельно...

Кукольный театр есть очаг, питаемый сокровенным в нас нашим детством ...через кукольный театр мы вновь, хотя бы и смутно, видим утраченный Эдем и потому вновь вступаем в общение друг с другом в самом заветном, что храним обычно, каждый про себя, как тайну – не только от других, но и себя самого. Сияющий в лучах закатного солнца, театр открывается окном в вечно живое детство».

Спектакль вызвал размышления Флоренского о празднике вообще, размышления неожиданные: «Праздник – от праздный, то есть пустой, незанятый; и весьма нередко достаточно снять грузы привычного и мелочно-повседневного, чтобы тут же вышли наружу задавленные ими и вешнее знание, и чувство коренной связи с миром, и близкая к экстатической радость бытия. Вопреки тому, как думают обычно, мучая себя, праздник нуждается не в попечениях, а в свободе от них. И эта свобода прежде всего и больше всего осуществляется строгою изоляцией от будней». Он сетовал на то, что в нашей жизни праздники оказались не ограничены каменной стеной от будней. И в результате «...мы

перестали видеть солнце, жизнь потускнела и иссякла, и мир отравился скукой». В кукольных спектаклях Ефимовых Флоренский увидел праздник, в кукольном представлении – мистерию преображения мира.